

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МАКРОЭКОНОМИКИ

УДК 330.8

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ¹

А. И. Татаркин, **Ал. А. Мальцев**

В статье рассматриваются подходы к анализу логики развития экономической теории, распространенные в современном научном сообществе. Выявляется природа популярности интерналистских интерпретаций развития экономической мысли. Авторская гипотеза заключается в том, что главной причиной скептического отношения мейнстрима к влиянию экстерналистских факторов на модификацию экономических воззрений являются позитивистские настроения, распространенные в современном «основном русле». К числу основных негативных последствий отрицания воздействия хозяйственной среды на экономическую теорию, с точки зрения авторов, относится убежденность во вневременном и универсальном характере экономических законов, что ведет к утрате мейнстримом связи с реальностью. Главная цель статьи — выявление влияния хозяйственных кризисов на развитие экономической мысли. Задействовав концепции «технологий широкого применения» и «инновационной паузы», авторы пришли к выводу о существовании определенной параллели между процессами замещения технологических парадигм, хозяйственными кризисами и сдвигами в экономических учениях. По мнению авторов, социально-экономические пертурбации выполняют двойную функцию. С одной стороны, они способствуют очищению экономической мысли от некогда популярных, но ставших дисфункциональными в новых хозяйственных реалиях концепций. С другой — кризисы обогащают теорию новыми решениями и идеями, а также ускоряют восприятие экономических идей, зачастую выглядевших маргинальными в докризисную эпоху.

Ключевые слова: кризисы, мирохозяйственная среда, научное сообщество, эволюция истории экономической мысли, экономическая теория.

Крупные хозяйственные потрясения часто сопровождаются ростом неудовлетворенности «текущей версией» доминирующего экономико-теоретического дискурса. Так, в плане развития истории экономической мысли 1930-е гг. прошли под знаком критики неоклассической теории, оказавшейся бесполезной в деле предсказания и противодействия Великой депрессии. На волне затяжной стагнации 1970-х гг., охватившей государства ОЭСР, произошло развенчание иллюзий в непогрешимости неокейнсианских концепций. Не стал исключением из этого ряда и финансово-экономический кризис 2007–2009 гг., получивший, с легкой руки П. Волкера, название «Великой рецессии» (см. по: [70, с. 36]). Конец 2000-х гг. ознаменовался появлением значительного количества работ, отмечающих удручающее состояние неоклассического экономикса. Целый сонм авторитетов разразился негодованием по поводу «эко-

нометрического безумия» [44], охватившего современный мейнстрим, результатом чего стала неспособность экономистов предвидеть сколько-нибудь значимые колебания хозяйственной конъюнктуры [35]. Страницы уважаемой периодики и монографических исследований пестрели картинками азартного самобичевания прозревших и пришедших в ужас от положения дел в «основном русле» мэтров нобелевского калибра [21; 54; 75].

Однако по прошествии некоторого времени пыл критиков утих, и стало казаться, что ситуация в экономической науке 2010-х гг. вошла в привычное русло. Нельзя сказать, что такая ситуация уникальна. В 1950-е гг. все забыли о претензиях к неоклассикам, а в 1990-е гг. никто не вспоминал о том, что кейнсианскую теорию предлагали отправить в музей концептуальных древностей. Складывается ощущение, что вспышки периодического недовольства экономической теорией возникают откуда-то изнутри экономического сообщества и оттуда же поступают сигналы к прекращению обструк-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-5700.2016.6.

ции оппонентов. Это чувство усиливает анализ современной литературы, показывающий, что современные ученые-экономисты убеждены в том, что их дисциплина является самонастраивающейся системой, не зависящей от перипетий хозяйственной среды, а изредка случающиеся сбои в ее работе лишь по случайному стечению обстоятельств совпадают с крупными социально-экономическими потрясениями. Казалось бы, это на первый взгляд чисто внутринаучное обыкновение имеет мало общего с проблемами развития экономической науки. Однако мы полагаем, что за декларируемым представителями «основного течения» иммунитетом королевы социальных дисциплин к влиянию социально-экономических сдвигов кроется целый спектр серьезных теоретико-методологических недугов, сдерживающих рост экономического знания.

В данной статье мы попытаемся установить причины появления интерналистских воззрений на развитие истории экономических учений (ИЭУ), а также выявить факторы, препятствующие рассмотрению влияния хозяйственных кризисов на ИЭУ. Структура работы выглядит следующим образом. Сначала будут рассмотрены особенности интерпретации логики эволюции экономической теории через призму двух распространенных науковедческих подходов: кризисно-революционной методологии Т. Куна и кумулятивной И. Лакатоса. Затем речь пойдет о факторах, обусловивших популярность интерналистских трактовок развития экономических учений. На этом фундаменте выявляются последствия отрицания воздействия изменения хозяйственной среды на экономическую теорию. В завершающей части выделены особенности восприятия кризисов на ИЭУ учеными, работающими в гетеродоксальной традиции, а также предложено авторское видение влияния хозяйственных пертурбаций на экономическую теорию.

Кун *versus* Лакатос

Вне всяких сомнений, одной из наиболее прославленных концепций, рассматривающей развитие научной деятельности под кризисно-революционным углом, является «теория научных революций» Т. Куна (1922–1996 гг.). В ставшей уже классической концепции американского философа нас больше всего интересуют причины, по которым наука развивается путем регулярных переворотов. Рассмотрим их детальнее. Как известно, сердцевиной кунновской модели является понятие парадигм — «признанных всеми научных достижений,

на время обеспечивающих ученому сообществу модель постановки и решения проблем» [56, с. XIII]. На этапе становления парадигмы академическое сообщество абсорбирует в себя социальные и культурные особенности окружающего мира. Однако по мере ее укоренения внешние факторы перестают оказывать решающее влияние на ученых. Вместо этого зрелая наука движется вперед под давлением «внутренних вызовов, повышающих масштаб и точность соответствия между существующей теорией и природой» [55, с. 119]. Как раз этот период, названный Куном «нормальной наукой», становится золотым временем для ученого. Исследователь, таким образом, оказывается под охраной парадигмы — ему не надо тратить время на защиту своего мировоззрения. При этом используемый им набор методологических предпосылок и допущений практически неуязвим для стрел критики.

Однако такое интерналистское развитие имеет свои недостатки. Ученые, укрывшись за парадигмальным щитом, отсекают факты и явления, не вписывающиеся в их систему мышления. Одновременно в этом изъяне кроется пружина последующих научных революций [65, с. 92]. Нежелание замечать растущие расхождения между теорией и меняющимися фактами, в лучшем случае — косметический ремонт здания парадигмы, приводит к накоплению критического числа «аномалий» — несоответствий науки и практики, «ставящих под вопрос исходно не оставлявшие сомнений фундаментальные обобщения парадигмы» [56, с. 82]. Именно лавина аномалий, наваливающаяся на старую парадигму, запускает механизм ее кризиса и вынуждает интегрировать в новую «дисциплинарную матрицу» ученых-революционеров, еще недавно не пускаемых на порог «нормальной науки», силами которых происходит сближение концептуальных схем с внешней средой.

Заметим, что науковедческие схемы Т. Куна в первую очередь предназначались для описания развития точных дисциплин. Однако представители общественных наук, как это часто случается, тоже поспешили примерить теоретико-методологические новинки, созданные для «старших братьев»-естественников. Впрочем, с нашей точки зрения, в этом случае предметы чужого «гардероба» пришлось к месту. Скажем, историки мысли не без успеха использовали идеи Т. Куна для интерпретации эволюции экономических учений. Важным результатом приложения концепции научных парадигм к ИЭУ выступило формирование се-

рьезной альтернативы виговскому представлению развития экономической теории как безостановочного пути от мнимых к истинно верным концепциям. Заручившись авторитетом одного из «самых влиятельных философов науки XX века» [26, с. 93], релятивистам стало легче обосновывать свою позицию, во многом пересекающуюся с воззрениями Т. Куна, утверждавшего, что «ни одна парадигма не лучше и не может быть лучше какой-то другой» [68, с. IX]. К числу ученых, применивших куновскую «кризисную» философию науки к анализу ИЭУ, можно отнести таких знаменитостей, как А. У. Коутс [31], Р. Стэнфилд [73], М. де Вруэй [79], А. Айхнер и Я. Крегель [45], Ш. Доу [41], М. Шабас [69], У. Дольфсма и П. Уэлч [39], и др.

Изображение развития экономической теории в революционном свете сразу встретило отпор со стороны приверженцев маршаллинского тезиса «*Natura non facit saltus*» («Природа не делает скачков»). Резкую отповедь критиков вызвали два момента. Во-первых, терминологическая многомысленность и неопределенность затрудняют использование куновских идей в экономике, претендующей на звание точной науки. «Моя главная претензия к Куну заключается в неспособности достаточно подробно прояснить природу парадигмы, так, чтобы его центральный тезис мог быть протестирован эмпирически», — с досадой писал Дж. Стиглер (цит. по: [42, с. 10]). Во-вторых, концепция Т. Куна, якобы, мало пригодна для описания ИЭУ, поскольку в экономике не наблюдается подлинных революций: в отличие от естествознания следы отжившего концептуального каркаса никогда полностью не растворяются в идущей ему на смену дисциплинарной матрице. Отсюда следует рекомендация историкам экономических учений попросту вычеркнуть термин «парадигма» из своего профессионального лексикона. Со всей ясностью этот тезис сформулировал и последовательно пропагандировал М. Блауг, ревностный поборник учения К. Поппера (1902–1994 гг.) — философского антагониста Т. Куна: «слово „парадигма“ должно быть изгнано из экономической литературы» [25, с. 349].

Нельзя отрицать, что возражения противников «куниизации» ИЭУ — с поправкой на, возможно, излишнюю категоричность — не лишены определенного смысла и достаточно хорошо аргументированы. Мы согласны с тем, что кумулятивный взгляд на ИЭУ, свойственный ученым, использующим философию ученика Поппера — И. Лакатоса (1922–1974 гг.),

обладает серьезными достоинствами. В самом деле, применительно к ИЭУ уместнее говорить о постепенных изменениях, используя лакатосовскую терминологию «защитных поясов» (вспомогательных концепций), окружающих «твердые ядра» (неизменные сущности различных исследовательских программ), нежели о решительных переворотах в духе Куна. В целом ряде современных работ показано, что даже те экономисты, которые давно заслужили реноме радикальных «революционеров», на самом деле не сжигали полностью интеллектуальных мостов, связывающих их с предшественниками. Так, Р. Хейлбронер привел убедительные свидетельства, доказывающие приверженность А. Смита, обычно рисуемого в образе разрушителя отжившего свой век меркантилизма, к одному из главных меркантилистских принципов — «поддержке полномасштабного, а не минималистского вмешательства государства в экономику» [43, с. 33]. Итальянские специалисты М. Дарди и М. Галлегати развеяли сложившееся вокруг Дж.М. Кейнса клише ученого, полностью порвавшего с идеями своего учителя А. Маршалла и всей неоклассической теорией. «Создается впечатление, что между формулировками Маршалла и Кейнса не существует полного разрыва, а имеются лишь различия в культурном фоне эпох, когда они занимались писательством», — замечают эксперты [37, с. 265–266].

Таким образом, нелепо утверждать, что в ИЭУ техника сооружения очередной теории всегда сводится лишь к «сносу» устаревшего корпуса знаний и возведению на расчищенной от обломков старой парадигмы площадке полностью нового концептуального строения. Весьма правдоподобной, как справедливо указывают оппоненты «кунианцев», выглядит другая схема. «Бунтовщики» чаще всего занимаются капитальным ремонтом, но не демонстражем старой постройки, сохраняя за обновленным внешним видом прежний несущий каркас.

При всем этом нам представляется, что и критиков, и сторонников приложения идей Куна к анализу ИЭУ сближает общая неспособность разглядеть за тонкими деревьями густой лес. По нашему мнению, концепция научных парадигм обладает несколькими недооцененными преимуществами. Во-первых, в схеме Куна установлено соотношение воздействия внутренних и внешних факторов на разных этапах научной деятельности: в фазе зрелости наука развивается эндогенно, а в эпоху кризиса на творчество ученых значительное

воздействие оказывают экзогенные факторы. Во-вторых, концепции Куна показывают, что дорога новых идей на пути к превращению в очередную парадигму проходит через «чистилище» кризиса. К сожалению, вместо более глубокой проработки этих граней наследия Куна последователи его философии из лагеря экономистов предпочли сосредоточить усилия на доказательстве наличия парадигм в экономической теории. Равным образом от их противников-«антикунианцев» ускользнуло фактическое игнорирование сторонниками Куна анализа внешних условий, обуславливающих или, по крайней мере, «сопровождающих» периодические кризисы экономической мысли. Вместо этого они предпочли смакование понятийной расплывчатости своих визави и с трудом скрывали злорадство в отношении их затруднений с поисками в истории экономических учений парадигм, отвечающих критериям, принятым в естественных науках.

Почему мейнстрим отрицает воздействие изменения хозяйственной среды на экономическую теорию

Ожесточенные казуистические споры вокруг вопроса о применимости термина «парадигма» к экономической теории заслонили собой слабую изученность природы кризисов в экономическом знании. Многочисленные тексты, посвященные тематике упадка экономической теории, чаще всего представляют собой длинный список претензий экономистов-гетеродоксов к текущей ортодоксии, содержащий предсказание ее скорого краха. Гораздо реже в литературе встречаются картины самокритики среди представителей мейнстрима. Однако и те, и другие ученые, растратив силы на яркое обличение «главного течения» или искреннее «раскаяние», крайне редко занимаются осмыслением причин столь неудовлетворительного состояния дел в их науке. В лучшем случае, эксперты усматривают корень проблем в самой теории или ошибках научного сообщества, тогда как на увязку периодических «сбоев» в экономической теории с хозяйственными явлениями, равно как и социально-экономическую обусловленность роста популярности новых экономических идей, наложено негласное табу.

Даже в немногочисленных работах, в которых проводится параллель между изменением социально-экономического ландшафта и сдвигами в экономических учениях, в основном анализируются единичные фрагменты воздействия появления новых технических инно-

ваций на модификацию институциональной среды и вызванные этими преобразованиями перемены в экономической мысли. Кроме того, подавляющее большинство попыток демонстрации влияния изменений в материальной культуре на появление новых или ревизию старых экономических воззрений ограничивается временным промежутком от начала появления первых зачатков экономического знания в Древнем мире до формирования классической политической экономии в годы Промышленной революции. На этот пробел одним из первых обратил внимание М. Блауг, расценив его как наглядное свидетельство фисаско релятивизма. «Ни один релятивист, — не без удовольствия замечал английский экономист, — не оказался в состоянии осуществить институциональную или историческую трактовку развития теории после классической эры, которая завершилась около 1870 г.» [2, с. 3]. Несмотря на замалчивание М. Блаугом отдельных вполне успешных попыток исторических реконструкций развития ИЭУ в «постклассический» период, нельзя не признать очевидного. Подавляющее большинство релятивистов при анализе развития экономической мысли конца XIX — начала XXI вв., действительно, не идут дальше элементарной фиксации определенной зависимости ИЭУ от перестройки технико-организационного ландшафта мирового хозяйства.

Дать однозначную интерпретацию этому феномену сложно. Отчасти подсказку можно найти в марксистском пророчестве, обещающем по достижении определенного уровня развития производительных сил разворот базисно-надстроечного комплекса на 360 градусов. «С момента появления „научного знания“ оно „воспаряет“ над материей и движется к тому, чтобы господствовать над ней ... по существу (знание. — *Авт.*) сливается с материей, придавая материи новое качество», — поясняет суть этого грациозного диалектического трюка Ю.Я. Ольсевич [11, с. 17]. Это предсказание начало сбываться уже в конце XIX столетия. В 1870-е гг. стартовала Вторая промышленная революция, одной из существенных черт которой как раз выступил переход от случайных инноваций к систематическим научным открытиям, то есть «наука ... перестала принадлежать исключительно к надстройке ... став материальным базисом общества» [74, с. 11–12]. Параллельно на волне всеобщей сциентизации экономисты начали приобщаться к моде расхаживать в кафтане, сшитом по лекалам естественно-научных дисциплин. Убедив самих

себя в кровном родстве с превратившейся в главный двигатель общественного прогресса «большой» наукой, экономисты смогли обосновать свою независимость от влияния внешней среды и, как приличествует настоящим ученым, утверждать, что «Вселенная управляется надежными, неизменными, абсолютными, универсальными математическими законами» [38, с. 192], которые «объясняют вещь или события вне культурного исторического контекста» [3, с. 33].

Наверное, именно распространение представления, будто экономика, перевоплотившись в последней трети XIX в. из золушки в императрицу общественных наук, утвердилась в роли социальной физики и, следовательно, получила надежные латы, оберегающие ее от воздействия внешних условий, обусловило непопулярность исторических реконструкций экономических идей, возникавших после 1870-х гг. О глубине проникновения данного внеисторического нарратива в сознание представителей мейнстрима красноречиво говорят слова Дж. Стиглера: «главное влияние на экономических теоретиков оказывают внутренние ценности и давление самой дисциплины... ни популярные экономические проблемы, ни героические события не оказывают большого влияния на развитие экономической теории» (цит. по: [29, с. 202]). Более того, как отмечается в исследовании А. У. Коутса, стиглеровское видение эволюции экономической теории как продукта сугубо внутреннего развития сообщества экономистов стало общим местом во всем науковедении: «со времен Второй мировой войны попытки объяснить содержание и научные теории на основе социальных условий практически исчезли» [32, с. 35].

Впрочем, отдельные экономисты и во второй половине XX столетия сохраняли веру в то, что экономическая теория — это в известной степени дитя определенных хозяйственных реалий. Одним из таких ученых оказался М. Фридман, который прямо говорил о том, что «изменение в состоянии общественного мнения осуществляется практикой, а не теорией или философией». Кульминацией этого пассажа стало знаменитое заявление чикагского экономиста о катализирующем эффекте социально-экономических катаклизмов на изменения в мире экономических идей. «Только кризис, — утверждал в 1982 г. Нобелевский лауреат, — ... производит реальные изменения. Когда случается такой кризис, предпринимаемые действия зависят от идей, которые лежат вокруг» [48, с. XIII-XIV]. Еще острее эту мысль

отточил соратник Фридмана по монетаристскому лагерю А. Мельцер, сформулировавший следующее предположение: «идеи — это альтернативы, которые ждут, чтобы кризис стал катализатором изменений» (цит. по: [7, с. 189]).

Вопреки тому, что подобные идеи распространялись богоподобными фигурами с самой вершины экономического Олимпа, они нашли мало последователей в мейнстриме. По-видимому, ученых «основного русла» отпугнула опасная провокационность выводов монетаристов. Ведь если согласиться с тем, что над дверью, через которую новые концепции входят в храм экономической науки, висит вывеска «социально-экономический кризис», то окажется, что экономическая мысль лишена темпоральной стабильности и зависит от циклических колебаний хозяйственной системы. Следовательно, законы экономической теории, тщаясь надеждой не уступать физике в своем прогностическом потенциале, во все не универсальны и уж тем более не «имеют одинаковой силы во все времена» [78, с. 4]. То есть, допустив отсутствие в экономике вневременных «закономерностей, аналогичных тем, которые найдены в естествознании», мы надламываем веру мейнстримных экономистов в то, что их дисциплина «есть наука, ... способная опираться на те же общие принципы и методы классической термодинамики и, в целом, Физики» [46, с. 1].

Разумеется, большого количества желающих покуситься на сциентистскую химеру мейнстрима не нашлось, но некоторое смягчение отношения к восприятию развития ИЭУ сквозь кризисную парадигму наметилось в 1970-е гг., когда на фоне стагнации в государствах ОЭСР экономическое сообщество открыло для себя Шумпетера, а циклично-волновая концепция будировала умы не только редких знатоков наследия Н.Д. Кондратьева. Однако вспышка энтузиазма оказалась весьма короткой. Уже в конце 1980-х гг. после появления работ С. Соломоу [71; 72], на основе статистического анализа показавшего отсутствие в истории мировой экономики четко идентифицируемых длинных волн конъюнктуры, такого рода попытки и вовсе сошли на нет, став уделом лишь небольшой группы гетеродоксальных экономистов.

Тем не менее, некоторые исследователи отказались следовать диктату теоретической моды и по-прежнему настаивали на необходимости обязательного учета воздействия кризисных явлений в мировом хозяйстве на появление новых экономических теорий.

Так, крупный российский специалист по ИЭУ О.И. Ананьин, обосновывая вместе с американскими учеными Н. Гудвин, Ф. Аккерманом и Т. Вайскопфом актуальность написания учебника «Экономика в контексте», среди прочих особенностей планируемого к изданию учебного пособия особо отмечали его нацеленность на «анализ способов развития экономической теории в ответ на экономические проблемы реального мира» [51, с. 6]. Израильский социолог науки Ю. Йонай в своей нашумевшей книге «Битва за душу экономики», вышедшей в свет в 1998 г., приложил немало усилий для дезавуирования «смехотворного утверждения, будто великие события, такие как Великая Депрессия или высокая инфляция 1970-х гг., не оказывают эффекта на экономическую мысль» [82, с. 212]. Невзирая на эти яркие работы, вышедшие из-под пера настоящих мастеров своего дела, в историографии экономической науки 1990–2000-х гг. бал правили сторонники Л. Роббинса, известного, среди прочего, своей достаточно однозначной позицией: изменения «технической и социальных сред... не важны для экономиста» [67, с. 37]. В такой логике даже после революционных изменений социально-экономического ландшафта экономист не должен усомниться в правильности нетленных экономических законов. Немного иронизируя, приведем следующую аналогию: в глазах коллег по мейнстримному цеху ученый, призывающий к корректировке принципов Ее Величества экономики вслед за некими хозяйственными кризисами, подобен метеорологу, предлагающему всякий раз переписывать законы физики в зависимости от изменения погоды. Понятно, что им обоим будет отказано в возможности подвизаться на их профессиональной ниве.

Последствия отрицания воздействия изменения хозяйственной среды на экономическую теорию

Отрицание воздействия изменения хозяйственной среды на экономическую теорию может выглядеть безобидным бахвальством неопитов, желающих своим отпирательством оправдать принадлежность экономики к точным наукам с их кажущимися универсальными и непреходящими законами. Однако, если продолжать верить словам Р. Коуза о том, что «развитие экономической теории не сильно зависит от текущих событий в экономическом мире» [30, с. 22], и следовать формуле М. Фридмана: новые идеи — это «старое вино в новых (математических. — *Авт.*) бутылках» [49], то современные экономтеоретики будут обречены на перемалывание архаичной теоретической субстанции в красивой математической ступе. Такие концептуальные установки, помимо серьезных затруднений с выработкой «нового экономического мышления, которое может помочь найти ответы на великие вызовы XXI века» [76], приводят к неспособности мейнстрима предвидеть хозяйственные потрясения, поскольку «кризисы не случаются в их учебниках» [20].

Подобные установки, с определенной тяжестью допустимые в бескризисные 1990–2000-е гг., стали выглядеть совершенно не отвечающими хозяйственным вызовам конца 2000-х гг. Циклический характер развития мирового хозяйства в очередной раз преподнес неприятный сюрприз экономистам, отрицающим релятивистскую сущность экономического знания. «Великая рецессия» 2007–2009 гг. заставила говорить о хозяйственных неурядицах как моторе потенциальных изменений в экономической науке даже тех ученых, которые сделали имя на конструировании утонченных экономико-математических концепций, имеющих весьма отдаленное отношение к реальности, и, наверное, в глубине души считающих, что «если мир не соответствует теории, то тем хуже для мира» [28, с. 14]. Так, К. Эрроу, создавший совместно с Ж. Дебре в 1954 г. модель, математически доказывающую возможность достижения общего равновесия, в 2008 г. усмотрел в «текущем финансовом кризисе... вызов для стандартной экономической теории» [22].

Профессор Массачусетского технологического института О. Бланшар за месяц до краха инвестиционного банка *Leman Brothers*, запустившего финансовое цунами 2008–2009 гг., торжественно объявил о том, что «макроэкономика переживает период великого прогресса и энтузиазма» и в целом «находится в хорошем состоянии» [24, с. 2, 26]. Правда, уже спустя три года ученый, занявший пост главного экономиста МВФ¹, вместо продолжения сочинения панегирических од *economics* обратился к ученым-экономистам с призывом «переписать основные принципы работы макроэкономистов» [23]. Любопытно, что на столь радикальное переосмысление своего видения ситуации в экономической теории маститого эксперта сподвиг кризис. Как оказалось, до событий 2008–2009 гг. профессор Бланшар, равно и как подавляющая часть «узников» экономико-математического формализма, попросту жили в блаженном неведении, «думая, что мир становится все лучше и лучше», а «крупные эконо-

¹ О. Бланшар занимал эту должность в 2008–2015 гг.

мические кризисы — финансовый кризис, экономический кризис — стали достоянием прошлого», и только «Великая рецессия» открыла им глаза на необходимость ревизии основных устоев макроэкономики [80].

Столь откровенные раскаяния в своих заблуждениях, конечно, украшают ученого, но они же свидетельствуют о присущих современному мейнстриму серьезных философских изъянах. Главный из них — вера основного течения экономической мысли в позитивизм¹. Экономисты воспринимают данный философский принцип буквально: «наука может быть только аксиоматической и математической», а «научную сферу надлежит отделить от сферы образов, ценностей, красот, добродетелей и всех других неизмеряемых вещей» [62, с. 142]. Их девизом стал знаменитый афоризм лорда У. Кельвина: «...если вы можете измерить и выразить в числах то, о чем говорите, — вы знаете это; но если вы не можете измерить, если не можете выразить числами, — ваши знания скудны и недостаточны» (цит. по: [15, с. 457]). Неудивительно, что в наши дни мейнстримные экономисты ощущают себя представителями социальной физики, чьи «законы точно такие же, как в физике, и, будучи однажды правильными, правы всегда» [63, с. 69]. О прочном укоренении представлений о неизменном характере экономических законов ярко свидетельствуют следующие слова Нобелевского лауреата Дж. Стиглера: «закон спроса, действительно, верен для всех потребителей, всех времен, всех товаров» (цит. по: [52, с. 236]).

Как итог — современный мейнстрим твердо убежден в том, что его постулаты абсолютно незыблемы и универсальны. Доказанная при помощи «научных» законов «польза» от концепции минималистского государства, саморегулирующегося рынка и свободной торговли стала интерпретироваться как непереносимое условие успешного развития всех стран мира, вне зависимости от их технико-экономических, социокультурных и институциональных различий. Без сомнения, печально знаменитые принципы *TINA* (*there is no alternative*) и Вашингтонский консенсус являются продуктами свойственной позитивистам веры во вневременной и универсальный характер экономических «истин».

В развитых странах сакрализация при помощи эзотерической математики принципов

laissez faire стала средством интеллектуальной легитимации дерегулирования финансовой сферы, как известно, вылившейся в раздувание ипотечного пузыря и ставшего детонатором Великой рецессии. Следовательно, можно предположить, что сохраняющееся представление о якобы имеющей место независимости экономической мысли от хозяйственной среды чревато тем, что экономисты будут по-прежнему выдвигать претензии на создание универсалистских концепций в духе *one size fits all*, а политики, используя исторические умозаключения «научной» экономической теории, делать далеко идущие выводы с непредсказуемыми последствиями. Трудно не согласиться с Дж. Ходжсоном, утверждающим, что задача возвращения представления о «непрерывной связанности экономической теории с определенным историческим контекстом» должна стать краеугольной задачей современных экономистов (цит. по: [59, с. 109]).

Хозяйственные кризисы и экономическая теория: есть ли связь?

Схожие мысли о необходимости контекстуализации экономической теории высказывает не только профессор Ходжсон. Другие специалисты-гетеродоксы, свободные от позитивистских иллюзий и навязчивых интенций сравниваться по степени научности с физико-математическими дисциплинами, редко ставили под сомнение принцип релятивности экономических догм и верили в возможность бескризисного развития глобального хозяйства. Неудивительно, что кризис 2007–2009 гг. альтернативные мейнстриму течения экономической мысли встретили «во всеоружии». В частности, в недрах этих теоретических «рек» родились крайне интересные, на наш взгляд, работы, в которых рассматривается связь революций в ИЭУ с социальными катаклизмами. За ограниченностью места остановимся на наиболее заметных из них.

Для начала отведем от себя подозрения в превознесении неортодоксальной экономической мысли. Поэтому, справедливости ради, отметим, что отдельные ее представители интерпретировали сложности, с которыми столкнулся мейнстрим в конце 2000-х гг., лишь как подтверждение справедливости своей критики «основного канона» и начали праздновать «победу» над временно споткнувшимися оппонентами. Немногим в дыму праздничных салютов удалось рассмотреть в кризисе 2007–2009 гг. нечто большее, чем просто «банкротство» неоклассического экономикса.

¹ Более подробно о последствиях увлечения экономистами позитивизмом говорится в одной из наших недавних работ [17].

Одним из таких дальновидных специалистов оказался Н. Кристодулакис — министр экономики и финансов Греции в 2001–2004 гг., а ныне академический ученый, читающий курс по ИЭУ в Афинском университете экономики и бизнеса. Отношение этого исследователя к воздействию кризисов на экономическую теорию сразу становится понятным из названия его книги «Как кризисы изменяют экономические идеи и политику: мудреем ли мы после них?», изданной в 2015 г. Нельзя сказать, что в центральном послые профессора Кристодулакиса: «на самом деле, большинство экономических теорий возникали в качестве ответа на кризис, отодвигая в сторону прежние ортодоксии, оказавшиеся неспособными предсказать или справиться с кризисом» [28, с. 1], кроется какая-то принципиальная новизна. Скрепя сердце, с этим утверждением после отрезвления «Великой рецессией» согласились бы даже отдельные деятели из мейнстримной когорты. Главная «изюминка» монографии греческого экономиста заключается в широте исторической панорамы охвата влияния кризисов на ИЭУ. Все дело в том, что до появления книги Кристодулакиса близкие тезисы в основном иллюстрировались на достаточно узком хронологическом горизонте — от кейнсианской революции 1930–1940-х гг. до монетаристской контрреволюции 1970-х гг. В работе греческого специалиста раскрывается специфика воздействия кризисных явлений на экономическую мысль начиная с Древнего Египта и заканчивая финансовым штормом 2008 г.

Основатель ассоциации «Другой канон», объединяющей многих экономистов-гетеродоксального фланга [77], Э. Райнерт воспользовался концепцией «дестабилизирующей стабильности» посткейнсианца Х. Мински (1919–1996 гг.) для формулирования гипотезы о наличии взаимосвязи между эпохами длительной макроэкономической стабильности в крупнейших странах глобального хозяйства с периодами доминирования в экономическом дискурсе «ужасного упрощения» — высокоабстрактной экономической теории. Имманентно присущей фазам хозяйственного «покоя» чертой является их свойство завершаться крайне болезненным кризисом. По мнению норвежского экономиста, в истории мировой экономики можно выделить четыре подобные кризисные «точки»: французскую революцию 1789 г., революционные события 1848 г. в Европе, Великую депрессию 1929–1933 гг. и финансово-экономический кризис 2007–2009 гг. Такого рода шоки приводят эко-

номическую теорию к так называемому «моменту 1848», то есть периодическому кризису, вынуждающему «экономическую профессию ... рассматривать экономику в новом свете, менее абстрактно и более прочно основываться на эмпирических наблюдениях» [66, с. 6]. Результатом сближения науки и практики является переодевание экономикс — королевы социальных наук — в новые одежды, в которых самодержица щеголяет до следующего кризиса, становясь, по мере перехода хозяйственной системы в стадию «дестабилизирующей стабильности», все более оторванной от реальности. К важным достоинствам подхода профессора Райнерта относится демонстрация неразрывной связи экономической истории и ИЭУ. К числу слабых мест — отсутствие четкого объяснения причин, по которым экономическая теория одинаково реагирует на столь разные события, как революция во Франции конца XVIII столетия и биржевой крах на Уолл-стрит в октябре 1929 г.

Вместе с тем, нам представляется, что при всех различиях между эпохальными явлениями, выделенными норвежским ученым, между ними существует определенная взаимосвязь, выявление которой должно помочь пониманию логики развития ИЭУ и способствовать выработке противоядия от дурмана радикального позитивизма. Однако, прежде чем приступить к поиску концептуальной нити, связывающей историю экономики и ИЭУ, следует сделать небольшой комментарий о факторах, помимо засилья позитивистских настроений, препятствующих рассмотрению эволюции экономической теории в контексте роста мирового хозяйства. В самом деле, взявшись рассматривать влияние хозяйственного строя на экономическую науку, трудно избежать упреков в грубом детерминизме и вульгаризаторстве. Скажем, трудно поверить в то, что А. Смит создал концепцию «невидимой руки» под влиянием промышленной революции. Попытки объяснить генезис аналитических конструкций Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна переменами в хозяйственной действительности будут подвергнуты справедливой критике. Казалось бы, попытки рассмотреть развитие экономической теории на фоне трансформации мирового хозяйства могут показаться обреченными на неудачу. Однако выход из этой, на первый взгляд, безвыходной ситуации дает «История экономического анализа» Й.А. Шумпетера.

В своем *magna opus* великий австрийский экономист предложил отличать историю экономической мысли (ИЭМ), демонстрирующую

«влияние общественных воззрений на выбор проблем, которые интересуют аналитиков в каждый данный период, и на общий подход к этим проблемам», от истории экономического анализа (ИЭА), изучающей «средства анализа», используемые экономистами прошлого [19]¹. При этом ИЭА слабо зависит от влияния хозяйственной среды. Например, трудно сказать, что на открытия Ф.И. Эджуорта повлияли какие-то внешние причины. Также, наверное, будут бесполезными поиски хозяйственной подоплеку аналитических находок Г. Хотеллинга и Ф. Рамсея. Однако при рассмотрении истории экономической мысли складывается совсем иная ситуация. Как справедливо замечает видный немецкий специалист в области ИЭУ Й. Цвайнерт, «реальные исторические изменения оказывали существенное влияние на постановку центральных проблем» экономической науки [18, с. 25]. В самом деле, трудно не заметить, что значимые перемены в экономической мысли совпадают с крупными изменениями в материальных условиях хозяйствования.

Даже в доиндустриальных обществах изменение представлений об основных экономических проблемах совпадало с появлением технологических новшеств и усовершенствований. Как несложно догадаться, важной особенностью данных инноваций являлась их выраженная «сельскохозяйственная» направленность. К числу таких технологических нововведений можно отнести подковы, хомуты, трехполье, водяное колесо, пр. При этом определенный параллелизм между началом использования этих открытий и ревизией экономических воззрений не может не броситься в глаза. Например, в Высокое Средневековье рост городов и сферы обмена, последовавший за увеличением аграрного производства, возникшего, в том числе, благодаря внедрению «агроинноваций», дал импульс к переосмыслению схоластами прежде в основном негативного отношения к торговле, кредитным операциям и личному обогащению. В Англии XVI–XVII столетий совершенствование аграрных технологий обеспечило надежный продовольственный «тыл» коммерческой и финансовой революции, чьими концептуализаторами стали меркантилисты.

Кроме того, отделив ИЭМ от ИЭА, которая, действительно, имеет стойкий «иммунитет» к изменениям духа времени, нельзя не заме-

тить, что нарастание кризисных явлений в хозяйственном развитии ведущих западноевропейских государств в 1760–1790-е гг. совпало с началом отказа от меркантилизма, в годы депрессии 1873–1896 гг. наметился рост недовольства классической политэкономией, «эра отчаяния» 1929–1939 гг. стала непростым испытанием для приверженцев неоклассики, а сырьевые шоки 1970-х гг. вскрыли растущую иррелевантность «самуэльсоновского кейнсианства», и др.

Если соотнести появление важнейших «технологий широкого применения» (ТШП)² [58, с. 132] с основными этапами в развитии экономической мысли, то выяснится примечательная взаимосвязь. Значимые перемены в экономическом знании происходят в ходе кризисов или после кризисов, совпадающих с феноменом, названным академиком В.М. Полтеровичем «инновационной паузой», возникающей тогда, когда «действующие ТШП ... уже в основном исчерпали свои возможности как мотор экономического роста, а новые ТШП запоздали и пока не готовы взять на себя эту роль» [14, с. 9] (табл.).

Эта таблица порождает несколько соображений. Во-первых, идеи окончательно закрепляются в сознании общества после кризисов, вероятно, связанных с процессом замещения технологий широкого применения. Именно кризисы высвечивают незаметные в обычных условиях расхождения теоретических установок и практики, тем самым расчищая дорогу восприятию концепций, вызревавших в структуре прежнего или вообще «позапрошлого» «основного течения»³. Таким образом, новая ортодоксия «вооружается» новыми-старыми идеями, многие из которых считались маргинальными или уже давно забытыми⁴, модернизирует свой аналитический аппарат и приступает к анализу новых проблем. По мере выхода хозяйственной системы из состояния кризиса новая экономико-теоретическая про-

² Эту концепцию впервые предложили Т. Бреснахан и М. Трайтенберг [27]. Наиболее распространенными примерами технологий широкого применения являются доместикация растений и животных, колесо, письменность, паровой двигатель, электрический привод, двигатель внутреннего сгорания, ЭВМ, пр., каждая из которых знаменует начало нового этапа в развитии человечества [58].

³ Скажем, преемственность отдельных частей учения Дж. М. Кейнса с идеями меркантилистов.

⁴ Например, М. Фридман вернул из «небытия» количественную теорию денег, которую даже коллега по либерально-консервативному лагерю Ф. фон Хайек называл «старомодной» [53, с. 18].

¹ В России о большом потенциале для анализа ИЭУ этого методологического открытия неоднократно писал член-корреспондент РАН В.С. Автономов (См. подробнее, например, [1]).

Таблица

Соотнесение хозяйственных кризисов, замещения технологий широкого применения и сдвигов в экономическом знании

Экономический кризис	Вытесняемые ТШП	Перспективные ТШП	Перемены в экономической мысли
Коллапс бронзового века ≈ 1200–800 гг. до н.э.	Бронза	Железо	Кристаллизация первых экономических идей в древнееврейских и древнегреческих текстах
Стагнация III–V вв. Римской империи	Железо	Водяное колесо	Появление в трудах раннехристианских богословов экономической проблематики
Кризис позднего Средневековья	Водяное колесо	Трехмачтовый корабль, книгопечатание	Генезис меркантилистской экономической мысли
Экономический спад 1762–1790 гг.	Трехмачтовый корабль, книгопечатание	Паровой двигатель, фабричная система	Закат меркантилизма и популяризация либерального экономического мышления
Финансовый кризис 1847–1848 гг.	Паровой двигатель, фабричная система	Железные дороги, металлические пароходы	Закрепление за классической школой экономической теории статуса мейнстрима
«Долгая депрессия» 1873–1896 гг.	Железные дороги, металлические пароходы	Двигатель внутреннего сгорания и электричество	Трансформация классической политической экономии в неоклассический экономикс
Великая депрессия 1929–1933 гг.	Двигатель внутреннего сгорания и электричество	Система массового производства, автомобили, самолеты	Рождение кейнсианской макроэкономики
Структурный экономический кризис 1970–1980-х гг.	Система массового производства, автомобили, самолеты	Компьютеры, бережливое производство, Интернет	Монетаристское «восстание» против кейнсианства
Великая рецессия 2007–2009 гг.	Компьютеры, бережливое производство, Интернет	3D печать, робототехника, искусственный интеллект, нанотехнологии	Некоторое смягчение исходных предпосылок ортодоксальной экономической теории

грамма, лучше предшествующей объясняющая происходящие окружающие явления, начинает окончательно вытеснять старую ортодоксию, постепенно превращаясь в «основной канон»¹.

Во-вторых, спустя семь лет после завершения острой фазы Великой рецессии вполне резонно задаться вопросом о последствиях данного кризиса для экономической теории. Ведь если руководствоваться опытом предшествующих хозяйственных катаклизмов, экспертное сообщество должно уже почувствовать перемены в экономической теории. Однако изменения в еcomomics пока не происходят или плохо просматриваются. Мнения экспертов по этому вопросу разделились. Одна группа специалистов считает, что кризисное состояние «основного русла», о котором много говорилось в 2007–2009 гг., — это лишь досужие разговоры, не подкрепленные никакими реальными фактами. С их точки зрения, мейнстрим «здоров»

¹ Подробно о влиянии кризисов на смену парадигм в экономической науке в докладе профессора О.И. Ананьина «Экономическая теория — дитя кризисов?» на конференции ВШЭ в апреле 2011 г.

как никогда, ни о каком интеллектуальном банкротстве неоклассического экономикса говорить не приходится, поскольку «кризис теории наступает не тогда, когда накапливаются факты, ей противоречащие ... кризис наступает, когда эти факты выстраиваются в альтернативную конкурирующую гипотезу, посвященную тому же объекту» [12, с. 13]. Пока же никаких сколько-нибудь значимых концептуальных альтернатив существующему мейнстриму не создано. В самом деле, как показал наш анализ ключевых гетеродоксальных школ экономической мысли, чьи представители наиболее громко заявляют о своей инакости и делают себе «имя» на постоянной (зачастую вполне оправданной) критике «порочных» догматов мейнстрима, на деле они вряд ли способны противопоставить «основному канону» убедительную исследовательскую альтернативу из-за использования все тех же, пусть и утративших строгость, теоретических допущений². Отсюда сторонники версии

² Подробно сущностные черты основных альтернативных мейнстриму течений современной экономической мысли

«хорошего здоровья» неоклассики делают закономерный вывод о тщетности надежд на какие-либо изменения в экономической теории в ближайшее время. Им оппонируют ученые, утверждающие, что в последние годы границы «основного русла» оказались гораздо более размыты, чем раньше, а само «магистральное течение» стало толерантнее к «оппозиции» и охотно заимствует отдельные наработки своих антагонистов. «Даже „чистая” неоклассика, — пишет известный российский экономист А.М. Либман, — основана на широком толковании рациональности, обязательном учете институтов и информационных ограничений, расширенной трактовке максимизации полезности, учитывающей моральные факторы» [8, с. 19]. Некоторые ученые вообще предлагают отказаться от, по их мнению, идеологического деления экономической науки на «ортодоксальную» и «неортодоксальную» ввиду активного, а главное, продуктивного обогащения «главного течения» различными немейнстримными «ересями» [34; 33; 50].

В целом соглашаясь с подобной точкой зрения, мы, тем не менее, не можем не обратить внимание на то, что происходящее в настоящее время некоторое смягчение исходных предпосылок ортодоксальной *economics*, интерпретируемое в качестве наглядного свидетельства изменений в экономической мысли, явно несопоставимо по масштабу ни с маржиналистской революцией, ни с кейнсианским переворотом. Робкое движение в сторону «психологизации» неоклассики также не может претендовать на какую-то прорывную новизну. Неудивительно, что у некоторых экспертов по-прежнему сохраняется определенное чувство неудовлетворенности по поводу состояния дел в «посткризисной» экономической теории. При этом причину явной «недореконструированности» *economics* они видят, прежде всего, в специфике протекания кризиса 2007–2009 гг. Как пишут Д. Коландер и К. Ротшильд, в канун Великой рецессии многие академические экономисты полагали, что «если другая Великая депрессия ударит по мировой экономике, экономическая педагогика изменится, точно так же, как она изменилась в 1930-е гг.». Однако этим надеждам не удалось сбыться: глубина кризиса конца 2000-х гг. оказалась несопоставима с последствиями Великой депрессии 1929–1933 гг., поэтому *economics* смог «отделиться» лишь «косметическими» изменениями и избежать более глубокой перестройки. Хотя

ученые из Миддлберийского колледжа надеются, что «новой глобальной депрессии не потребуются для того, чтобы вывести экономическую педагогику из существующей колеи» [36, с. 24], но предшествующий опыт эволюции ИЭУ подсказывает нам — подлинные перевороты в экономическом знании чаще всего случаются в условиях крупных хозяйственных потрясений, совпадающих с процессами замещения ТШП.

Между тем современная мировая экономика, несмотря на без малого десять лет с начала Великой рецессии, так и не вышла из состояния «инновационной паузы». Причины продолжительной «технологической стагнации» современной глобальной экономики подробно рассматривались нами в других работах [9, с. 235–261; 10]. Сейчас лишь заметим, что одним из главных факторов, обусловивших затягивание инновационной паузы, стало «великое удвоение» мирового хозяйства — «вхождение Китая, Индии и бывшего советского блока в глобальную экономику», вылившееся в снижение отношения основного капитала к труду на 61 % [47]. Это, по сути, означает, что «в последние два-три десятилетия мир движется в направлении, обратном техническому прогрессу» [5, с. 295]. В таком контексте становится понятным, почему экономические агенты, «развращенные» в 1990–2000-е гг. резким расширением запаса дешевой рабочей силы, не спешили с внедрением дорогостоящих прорывных открытий, предпочитая поддерживать свои рыночные позиции переносом производственных активов в регионы с более низкой заработной платой и незначительной модификацией уже существующих продуктов. Ситуация зашла так далеко, что, по прогнозам экспертов, глобальная «технологическая стагнация», даже в случае сохранения КНР нормы сбережения на отметке 40 % ВВП, будет длиться не менее 30 лет — до возвращения капиталонасыщенности мировой экономики к уровню начала китайской экспансии на международные рынки [47]. Пока же человечеству предстоит свыкнуться с вялотекущей динамикой роста глобального хозяйства.

Для экономической науки подобная ситуация означает, что ее представителям надо перестать с упорством, заслуживающим лучшего применения, заниматься критикой неоклассической ортодоксии, равно как и витать в несбыточных гетеродоксальных грезах, надеясь на создание «альтернативщиками» теории, способной в одночасье вытеснить опостылевший мейнстрим на идейную периферию. Вместо этого ученым следует сконцентрироваться на изучении различных аспектов развития все

рассмотрены нами в [9, с. 269–277].

более усложняющейся мировой экономики и просто дожидаться часа, когда хозяйственные реалии сформулируют «заказ» на новую экономико-теоретическую парадигму. Иными словами, экономистам стоит не забывать блистательную рекомендацию М. Фридмана: «В этом, я думаю, и заключается наша (экономистов. — *Авт.*) главная функция: развивать альтернативы существующей политике, сохранять и поддерживать эти идеи, пока политически невозможное не станет политически неизбежным» [48, с. XIV].

В завершение представляется целесообразным обратиться к возможным направлениям дальнейшего развития экономической науки. Не претендуя на составление исчерпывающего списка «улучшений», заполнить который сможет только история, выделим главные, на наш взгляд, «болевы точки» современной экономической науки.

Во-первых, несмотря на «вторжение» экономистов во многие смежные дисциплины, позволившее получить целый ряд интересных результатов, ведущие мировые эксперты откровенно расписываются в «дефиците профессиональной мудрости, источником которой является глубокое знание психологии, институциональных структур и исторических прецедентов» [40]. Между тем, происходящая на наших глазах реконфигурация мирового хозяйства потребует обращения к более глубокому изучению социальной сферы и поведенческих реакций людей, едва ли осуществимому в рамках «зауженного» экономического подхода. Во-вторых, в своем большинстве современный «основной канон» по-прежнему страдает устойчивой технофобией, несовместимой с анализом разворачивающихся процессов замещения технико-экономических укладов и последующей корректировкой институционального ландшафта. В-третьих, мейнстрим чрезмерно увлекся попытками уподобления точным наукам, что привело к созданию целого ряда теоретических конструкций, которые «без серьезных дополнительных условий почти ничего не могут сказать о реальном мире» [13, с. 2]. Ситуация, в какой-то мере приемлемая для стабильного «малого золотого века» 1991–2007 гг., оказалась недопустимой для современного турбулентного этапа развития мировой экономики, требующего, по мнению экспертов, «широкого спектра моделей и техник, ... уделяющих гораздо большее внимание историческим, институциональным, психологическим и другим сверхважным факторам» [40]. В-четвертых, в погоне за строгостью и бес-

пристрастностью «основной канон» потерял из виду социальный императив, пронизывающий работы таких интеллектуальных гигантов, как А. Маршалл, Дж. М. Кейнс, Й.А. Шумпетер, «забыв», как отмечал Ч. Диккенс, что «политическая экономия — это только лишь скелет, которому еще необходимо придать человеческий облик, добавить немного человеческого румянца сверху и немного человеческой теплоты изнутри» (цит. по: [64, с. 10]). В-пятых, возмнив себя частью корпуса естественнонаучных дисциплин, мейнстрим начал приписывать себе фактически магические возможности по предсказанию будущего, безошибочному выбору макроэкономических и структурных приоритетов, а также способности «заколдовать» деловой цикл. Эти амбиции вылились в легитимацию раздувания финансового сектора, заявления о необходимости скорейшего отказа от «устаревшего» индустриального комплекса и убеждения общественности в успешном решении «проблемы предотвращения депрессий для всех практических целей» [60, с. 1]. Как показали события 2007–2009 гг., экономисты явно переоценили свои силы, поэтому, как язвительно замечает профессор Иллинойского университета в Чикаго Д. Макклоски, «мальчикам (экономистам. — *Авт.*)... пора вылезти из песочницы» [62, с. 189] и заняться решением важнейшей проблемы, сформулированной Дж. М. Кейнсом, — «как объединить три вещи: экономическую эффективность, социальную справедливость и индивидуальную свободу» [64, с. XV].

Заключение

Многолетние споры между сторонниками видения развития истории экономических учений «по Куну» и «по Лакатосу», на наш взгляд, не принесли больших историографических «дивидендов». Дело в том, что острие данной дискуссии направлено на изобличение оппонентов в терминологической путанице, вызванной желанием втиснуть ИЭУ в науковедческие шаблоны, разработанные для анализа точных и естественных наук. Хотя данная полемика стимулировала изучение ИЭУ, она вылилась в недостаточную проработанность гораздо более важного вопроса — выявление причин периодических кризисов в экономическом знании и роли внешних факторов в их генезисе. Современная историография не богата на работы, авторы которых осмеливались поддерживать «крамольную» мысль о том, что экономическая наука подвижна не только логикой внутридисциплинарного развития, но и зави-

сит от хозяйственных пертурбаций, открывающих дорогу новым концепциям и течениям мысли. Частичное избавление от свойственных «основному руслу» сайентистских притязаний произошло в годы Великой рецессии, вынудившей даже самых последовательных поборников идеи «автономного» роста экономического знания признать мощное воздействие подобных потрясений на их экономическое мироощущение.

Это обстоятельство заставляет усомниться в справедливости знаменитого тезиса Дж. М. Кейнса «идеи экономистов... правят миром» [6, с. 349]. Скорее всего, более оправданна гипотеза другого великого экономиста — В. Парето, утверждавшего, что «среда определяет и экономическую политику, которую выбирает правительство, и экономические теории, которые адаптируют мейнстримные академики» (цит. по: [81, с. 5]), а также идея известного российского экономиста начала XX столетия В. В. Святловского (1869–1927 гг.): «вся история мысли... представляет собою типичное производное хозяйственного быта своего времени». Вот почему, касаясь популярного в последние годы объяснения причин Великой рецессии и других кризисов лишь ошибками экономистов и памятуя о том, что «экономические идеи являются продуктом среды, в которой они возникают» [16, с. 3], хотелось бы ответить сторонникам подобного мнения словами Стендаля: «...Зеркало отражает грязь, а вы обвиняете зеркало! Обвиняйте уж, скорее, большую дорогу с ее лужами»¹.

Дополнительную сложность нынешнему посткризисному этапу развития глобальной экономики придает необходимость решения целого спектра проблем, по своей сложности вполне сопоставимых с вызовами, стоявшими перед человечеством в 1930–1950-е гг. Естественно, что современная экономическая наука, являющаяся порождением своей эпохи, не свободна от целого ряда недостатков, поэтому (в чем сходятся практически все исследователи, даже придерживающиеся диаметрально противоположных идейных взглядов) ей необходима серьезная реконструкция.

Между тем вопросы выбора основы, вокруг которой должна производиться модернизация экономического знания, остаются открытыми.

В теоретической плоскости Великая рецессия активизировала взаимную критику со стороны различных течений экономической мысли и усилила авторитет ее гетеродоксального фланга. Неудивительно, что многие известные исследователи² именно в альтернативных теориях видят «заменителя» неоклассического экономикса. Однако, по нашему мнению, несмотря на создание целого ряда крайне продуктивных наработок, гетеродоксы не могут противопоставить основному течению полноценную замену, во многом из-за использования все тех же теоретических предпосылок, скрытых за мощным фасадом вспомогательных гипотез. Как замечает Г. М. Дерлугьян, «...большинство критиков (современной экономической науки. — *Авт.*) не подвергло сомнению саму экономическую парадигму. Чаще всего это были „ереси“, вызывающие на диспут текущую ортодоксию и порицающие ее с позиций гетеродоксии в рамках той же церковной доктрины» [4, с. 313]. Поэтому выход экономической науки из кризиса возможен, с нашей точки зрения, через углубление сотрудничества экономистов с другими представителями социальных наук, которым следует снизить градус обоюдных претензий на то, что именно их метод является непременным условием развития прочих обществоведческих дисциплин, и сосредоточить силы на осмыслении все более усложняющегося человеческого общества. Здесь трудно не согласиться с В. М. Полтеровичем, утверждающим, что «...необходимо новое понимание предмета исследования — новый ствол дерева, на котором могли бы держаться ветви. Основные вопросы современной экономики, социологии, политологии, права, по существу, совпадают» [13, с. 8]. Иными словами, следующим шагом в развитии общественных наук, возможно, станет претворение в реальность мечты В. Парето о синтезе «дисциплин, имеющих дело с человеческим обществом — права, экономики, политической истории, истории религии и т. д., ориентированных на поиск взаимосвязей между социальными фактами» [61, с. 286].

¹ Стендаль. Красное и черное. — М.: Худож. лит., 1969. — С. 375.

² См., подробнее, например, [52].

Список источников

1. Автономов В. С. История экономической мысли и экономического анализа: место России // Очерки истории российской экономической мысли / Абалкин Л. И. (Ред.). — М.: «Наука», 2003. — 366 с.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело ЛТД, 1994. — 720 с.

3. Готлиб А. С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. — М.: Издательство «Флинта», 2014. — 384 с.
4. Дерлугьян Г. М. Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. — М.: Институт Гайдара, 2013. — 384 с.
5. Дзарасов Р. С. Экономика «насаждения отсталости». К действительным причинам реформы РАН // Вестник Российской академии наук. — 2014. — Т. 84. — № 4. — С. 291–304.
6. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Гелиос АРВ, 2012. — 352 с.
7. Кляйн Н. Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. — М.: «Добрая книга», 2011. — 656 с.
8. Либман А. М. Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития. — М.: Институт экономики РАН, 2007. — 52 с.
9. Мальцев А. А. Экономические идеи и мирохозяйственная среда: ретроспектива взаимодействия. — Екатеринбург: Издательство УрГЭУ, 2014. — 286 с.
10. Мальцев А. А. Источники и последствия «технологической стагнации» глобальной экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика. — 2014. — № 3. — С. 67–85.
11. Ольсевич Ю. Я. Психологические основы экономического поведения. — М.: ИНФРА-М, 2010. — 413 с.
12. Ольсевич Ю. О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения // Montenegrin Journal of Economics. — 2007. — No. 6. — С. 13–41.
13. Полтерович В. М. Становление общего социального анализа // MPRA Working Paper. — 2010. — No. 26085. — 12 с.
14. Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. — 2009. — № 6. — С. 4–22.
15. Роджерс Э. Физика для любознательных. — М.: «Мир», 1970. — Т. 2. — 656 с.
16. Святловский В. В. История экономических идей в связи с историей экономического быта. — М.: КРАСАНД, 2010. — 400 с.
17. Татаркин А. И., Мальцев А. А. История экономических учений: оценка прошлого и перспективы будущего // Журнал экономической теории. — 2015. — № 2. — С. 93–106.
18. Цвайнерт Й. История экономической мысли в России, 1805–1905. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. — 416 с.
19. Шумпетер Й. А. История экономического анализа. — СПб.: «Экономическая школа», 2001. — Т. 1. — 494 с.
20. 'H' is for History of Economic Thought [Electronic resource]. URL: <http://nzinitiative.org.nz/Media/Insights/The+A-Z+of+economic+literacy/H+is+for+history+of+economic+thought.html>.
21. Akerlof G. A., Shiller R. Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism. — Princeton: Princeton University Press, 2009. — 248 p.
22. Arrow K. Risky Business. [Electronic resource]. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2008/oct/15/kenneth-arrow-economy-crisis>.
23. Blanchard O. Rewriting the Macroeconomists' Playbook in the Wake of the Crisis [Electronic resource]. URL: <http://blog-imfdirect.imf.org/2011/03/04/2662>.
24. Blanchard O. The State of Macro. NBER Working Paper. — 2008. — No. 14259. — 31 p.
25. Blaug M. Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics / Hausman D. M. (Eds.). The Philosophy of Economics: An Anthology. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 463 p.
26. Boumans M., Davis J. B. Economic Methodology: Understanding Economics as a Science. — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. — 224 p.
27. Bresnahan T. F., Trajtenberg M. General Purpose Technologies: "Engines of Growth?". NBER Working Paper. — 1992. — No. 4148. — 43 p.
28. Christodoulakis N. How Crises Shaped Economic Ideas and Policies: Wiser After the Events? — Heidelberg, N.Y.: Springer, 2015. — 222 p.
29. Coase R. H. Essays on Economics and Economists. — Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1994. — 231 p.
30. Coase R. H. George J. Stigler: An Appreciation // Regulation. — 1982. — November. December. — P. 21–24.
31. Coats A. W. Is there a Structure of Scientific Revolutions in Economics? // Kyklos. — 1969. — Vol. 22. — No. 2. — P. 289–296. — DOI: 10.1111/j.1467-6435.1969.tb02533.x.
32. Coats A. W. On the History of Economic Thought: British and American Economic Essays. — L.: Routledge, 1993. — Vol. 2. — 512 p.
33. Colander D. Pluralism and Heterodox Economics: Suggestions for an «Inside the Mainstream» Heterodoxy. Middlebury College Economics Discussion Paper. — 2007. — No. 07–24. — 10 p.
34. Colander D. The Death of Neoclassical Economics // Journal of the History of Economic Thought. — 2000. — Vol. 22. — No. 2. — P. 127–143. — DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10427710050025330>.
35. Colander D., et al. Financial Crisis and the Systemic Failure of Academic Economics. — University of Copenhagen. Department of Economics. Discussion Papers. — 2009. — No. 09–03. — 17 p.
36. Colander D., Rothschild C. Sins of the Sons of Samuelson: Vision, Pedagogy, and the Zig-Zag Windings of Complex Dynamics // Journal of Economic Behavior and Organization. — 2010. — Vol. 74. — No. 3. — P. 277–290. — DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jebo.2010.03.016>.

37. *Dardi M., Gallegati M.* Alfred Marshall on Speculation / Wood J.C. (Eds.). Alfred Marshall: Critical Assessments. — L., N.Y.: Routledge, 1996. — Vol. VIII. — 423 p.
38. *Davies P.* Taking Science on Faith / Yagelski R. P. Writing: Ten Core Concepts. — Stamford: Cengage Learning, 2015. — 880 p.
39. *Dolfsma W., Welch P.J.* Paradigms and Novelty in Economics: The History of Economic Thought as a Source of Enlightenment // American Journal of Economics and Sociology. — 2009. — Vol. 68. — Issue 5. — P. 1085–1106. — DOI: 10.1111/j.1536-7150.2009.00648.x
40. *Dow S.C.* et al. Letter to the Queen of England. [Electronic resource]. URL: [www.feed-charity.org /user/image/queen2009b.pdf](http://www.feed-charity.org/user/image/queen2009b.pdf).
41. *Dow S.* Weintraub and Wiles: The Methodological Basis of Policy Conflict // The Journal of Post-Keynesian Economics. — 1981. — Vol. 3. — No. 3. — P. 325–339. DOI: 10.1080/01603477.1981.11489226.
42. *Drakopoulos S.A., Karayiannis A.D.* A Review of Kuhnian and Lakatosian “Explanations” in Economics. — MPRA Paper. — 2005. — No. 16624. — 36 p.
43. *Dunn B.* Neither Free Trade nor Protection: A Critical Political Economy of Trade Theory and Practice. — Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2015. — 256 p.
44. Econometric Madness [Electronic resource]. URL: <http://www.economicpolicyjournal.com/2012/04/econometric-madness.html>
45. *Eichner A., Kregel J.* An Essay in Post-Keynesian Theory: A New Paradigm in Economics // Journal of Economic Literature. — 1975. — Vol. 13. — No. 4. — P. 1293–1314.
46. *Faggini M., Parziale A.* The Failure of Economic Theory. Lessons from Chaos Theory // Modern Economy. — 2012. — No. 3. — P. 1–10. — DOI: 10.4236/me.2012.31001
47. *Freeman R.* The Great Doubling: The Challenge of the New Global Labor Market. [Electronic resource]. URL: http://emlab.berkeley.edu/users/webfac/eichengreen/e183_sp07/great_doub.pdf.
48. *Friedman M.* Capitalism and Freedom. — Chicago, L.: The University of Chicago Press, 2002. — 230 p.
49. *Friedman M.* Old Wine in New Bottles // The Economic Journal. — 1991. — Vol. 101. — No. 404. — P. 33–40. DOI: 10.2307/2233834.
50. *Goodwin C.* Comment : It's the Homogeneity, Stupid! // Journal of the History of Economic Thought. — 2000. — Vol. 22. — No. 2. — P. 179–183. — DOI: 10.1080/10427710050025385.
51. *Goodwin N.R., Ananyin O.I., Ackerman F., Weisskopf T.E.* Economics in Context: The Need for a New Textbook. Global Development and Environment Institute Working Paper. — 1997. — No-00-02. — 9 p.
52. *Hodgson G.M.* How Economics Forgot History: The Problem of Historical Specificity in Social Science. — L., N.Y.: Routledge, 2001. — 448 p.
53. Interview with F. A. Hayek / Boaz D. (Eds.). Toward Liberty: The Idea That Is Changing the World. — Washington D.C.: Cato Institute, 2002. — 450 p.
54. *Krugman P.* How Did Economists Get It So Wrong? // The New York Times Magazine. — 2009. — September 2.
55. *Kuhn T.* The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change. — Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1977. — 390 p.
56. *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. With an Introductory Essay by Ian Hacking. — Chicago, L.: The University of Chicago Press, 2012. — 264 p.
57. *Lee F.S., Lavoie M.* (Eds). In Defense of Post-Keynesian and Heterodox Economics Responses to Their Critics. — Abington, N.Y.: Routledge, 2013. — 289 p.
58. *Lipsey R.G., Carlaw K.I., Bekar C.T.* Economic Transformations: General Purpose Technologies and Long Term Economic Growth. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 616 p.
59. *Lodge G.C.* Review of How Economics Forgot History: The Problem of Historical Specificity in Social Science // Challenge. — 2004. — Vol. 47. — No. 2. — P. 109–114.
60. *Lucas R.E., Jr.* Macroeconomic Priorities // American Economic Review. — 2003. — Vol. 93. — No. 1. — P. 1–14. — DOI: 10.1257/000282803321455133
61. *Macpherson C.B.* Pareto's General Sociology : The Problem of Method in the Social Science // Wood J. C., McLure M. (eds.), Vifredo Pareto: Critical Assessments of Leading Economists. — L. : Routledge, 1999. — 1992 p.
62. *McCloskey D.N.* The Rhetoric of Economics. — Madison: The University of Wisconsin Press, 1998. — 248 p.
63. *McLure M.* Pareto, Economics and Society: The Mechanical Analogy. — L.: Routledge, 2001. — 240 p.
64. *Nasar S.* Grand Pursuit : The Story of Economic Genius. — N. Y. : Simon & Schuster Paperbacks, 2011. — 576 p.
65. *Olasky M.N.* The Aborted Debate Within Public Relations: An Approach Through Kuhn's Paradigm / Grunig J. E., Grunig L. A. (Eds.). Public Relations Research Annual. — Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1989. — Vol. 1. — 223 p.
66. *Reinert E.S.* The Terrible Simplifiers: Common Origins of Financial Crises and Persistent Poverty in Economic Theory and the new “1848 Moment”. DESA Working Paper. — 2009. — No. 88. — 27 p.
67. *Robbins L.* An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. — L.: MacMillan & Co., 1932. — 141 p.
68. *Rothbard M.N.* An Austrian Perspective on the History of Economic Thought. — Auburn: Ludwig von Mises Institute, 2006. — Vol.1. — 556 p.
69. *Schabas M.* World Ruled by Number: W. S. Jevons and the Rise of Mathematical Economics. — Princeton: Princeton University Press, 1990. — 206 p.

70. *Sherman H. J.* The Great Recession and the Financial Crisis in the United States, the Epicenter of the Global Capitalist Crisis / *Berberoglu B.* (Eds.). *Beyond the Global Capitalist Crisis: The World Economy in Transition.* — Burlington: Ashgate Publishing, 2012. — 218 p.
71. *Solomou S.* Kondratieff Long Waves in Economic Growth, 1850–1913 // *Review: A Journal of the Fernand Braudel Center.* — 1987. — Vol. 10. — No.3. — P. 507–534.
72. *Solomou S.* Phases of Economic Growth, 1850–1973. Kondratieff Waves and Kuznets Swings. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 216 p.
73. *Stanfield R.* Kuhnian Scientific Revolutions and the Keynesian Revolution // *Journal of Economic Issues.* — 1974. — Vol. 8. — No. 1. — P. 97–109. DOI: 0.1080/00213624.1974.11503164
74. *Stehr N., Ericson R.* The Culture and Power of Knowledge / *Stehr N., Ericson R.* (Eds.). *The Culture and Power of Knowledge: Inquires into Contemporary Societies.* — Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 1992. — 418 p.
75. *Stiglitz J. E.* The Current Economic Crisis and Lessons for Economic Theory // *Eastern Economic Journal.* — 2009. — Vol. 35. — P. 281–296. — DOI:10.1057/ej.2009.24
76. The Institute. [Electronic resource]. URL: <http://ineteconomics.org/people/institute-new-economic-thinking>
77. The Other Canon [Electronic resource]. URL: <http://www.othercanon.org/>.
78. *Tieben B., Keizer W.* Introduction: Austrian Economics in Debate / *Tieben B., Keizer W., van Zijp R.* *Austrian Economics in Debate.* — L.: Routledge, 1997. — 304 p.
79. *Vroey M. de.* The Transition from Classical to Neoclassical Revolution: a Scientific Revolution // *Journal of Economic Issues.* — 1975. — Vol. 9. — No. 3. — P. 414–439. DOI: 10.1080/00213624.1975.11503296.
80. *Wessel D.* Olivier Blanchard's Five Lessons for Economists From the Financial Crisis [Electronic resource]. URL: <http://blogs.wsj.com/economics/2013/04/01/olivier-blanchards-five-lessons-for-economists-from-the-financial-crisis/>
81. *White L. H.* *The Clash of Economic Ideas : The Great Policy Debates and Experiments of the Last Hundred Years.* — Cambridge University Press, 2012. — 440 p.
82. *Yonay Y. P.* *The Struggle over the Soul of Economics: Institutional and Neoclassical Economists in America between the Wars.* — Princeton: Princeton University Press, 1998. — 320 p.